

Письма о духовенстве

Письмо I

Пишу тебе, мой друг и возлюбленный о Господе брат, под влиянием самых грустных, самых тяжёлых впечатлений. Ты знаешь, при моей церкви есть клочок земли, обращённый мною в садик. Вот какая печальная история вышла из-за этой собственности. В один из июльских дней зашла в сад одна мещанка с маленькой дочерью своею и спокойно начала рвать то те, то другие ягоды. Я увидел се и сделал ей выговор, сказав, что это равно воровству. И что же? Ты не поверишь, какими ругательствами, какою площадною бранью разразилась надо мной эта женщина. Всё, что только выдумал мир в оскорбление нашего сословия, было высказано ею самым грубым, самым ожесточённым образом. Я отступился от своей собственности, оставил её в саду и ушёл от сраму. Но и вслед мне с оглушительным шумом сыпались бранные слова в роде следующих: «кутейники, косматые, копеешники, с живого и с мёртвого берёте» и тому подобное. Заметь, однакож, что женщину эту вижу я в первый раз и встретился с нею только в своём саду. Вот тебе, мой друг, и современный прогресс! Вот тебе живые доказательства уважения к духовному сану и лицу служителей веры! Дожидаемся какого-то золотого века, сближения всех сословий во имя цивилизации. Нет; знать, не видать нам этого сближения в полной мере. Помнишь, как я восхищался некогда саном священства, что он приучает к сосредоточенности духа в самом себе, даёт полную свободу прилагать к делу свои знания и совершенствовать себя в жизни духовной. Помнишь, с какою радостью сказывал я тебе, что прихожане любят меня и уважают, что я и они — одна семья, среди которой я отец, поучающий, — а они — мои дети. Теперь разочаровываюсь в этом. Лишь на минуту отвернёшься от своей семьи, встретишься с овцами иного двора, — и уже никакого не имеет значения твой священный сан, — на каждом шагу можешь встретить одни оскорбления и насмешки. Как вот внимательнее вникнешь — в каких отношениях мы находимся к другим сословиям, так и увидишь, что мы всё ещё *буйи Христа ради, немощны, безчестны, отребь миру, всем поправление доселе*. Я не скажу, чтобы я лично обижался бранью этой женщины, — (я мог бы жаловаться на неё начальству, но не жаловался). Нет, мне жаль всего духовного сословия; в лице моём унижен, осрамлён каждый мой брат во Христе. *Аще ли кто оскорби мене, скажу с Апостолом, не мене оскорби, но от части всех вас* (2 Кор. II, 5). Что это такое значит, что нас не любят и ни во что ставят многие, во всех сословиях?! Наше сословие самое смиренное, на нас возложены обязанности самые священные — совершать Христовы тайны, учить народ вере и нравственности, — и между тем так мало ценят нас. Служащий в суде приказный, самый мизерный, во многих случаях пользуется в народе предпочтением пред нами. Ведь его бы, конечно, не посмела так оскорбить эта женщина, тем более, что дело здесь касалось моей собственности. А нас зовут «батюшками», и может ругать каждый, сколько его душе угодно! Помнишь ещё, ехали мы вдвоём из г. К., и навстречу попался нам фабричный народ; припомни, какими площадными именами и зверскими гиканьями встречали и провожали нас! И за что? За то только, что мы ехали по общей дороге и попались им навстречу! И такие прискорбные истории бывают в нашем православном простом народе, который, говоря вообще, ещё более имеет расположенности к нам, нежели другие сословия. Коснись-ка так называемого великосветского общества: там иначе не зовут нас, как *попами*, а жён наших *попадьями* (в презрительном смысле). Наша жизнь, воспитание, одежда, обувь, волосы — всё это служит в этом классе предметами острот, насмешек и презрения. И не явное ли это презрение к нам

*Свирилин, А. И. Письма о духовенстве / А. И. Свирилин // *Дух христианина*. — 1862—63. — Июнь (книга 10), отделение 1. — С. 755—774.

со стороны лиц великосветских, что мы должны входить не иначе, как всегда с докладом, что нас принимают часто где-нибудь в прихожей, принимают не сами хозяева, а какой-нибудь лакей или дворовая девка, даже в те немногие священные минуты, когда мы, по своему пастырскому долгу, являемся с святым крестом (в праздники).¹ Купеческое сословие более всех отличается почтением и уважением к духовенству; но попробуй чего-нибудь не сделать в угождение купцу, известному и сильному, например, не дать ему просфоры, не придти к нему со святой водой в те именно часы, в которые он назначил: и тотчас начнутся неприятности, иногда смешные до ребячества. Грустно, брат, грустно! Конечно, наша такая доля — терпеть и терпеть; но, право, это что-нибудь да не так, когда целое сословие наше не находит полного сочувствия ни в одном сословии и не имеет должного влияния на общество, тогда как на духовенство самим Господом возложена обязанность быть душою общества, чтобы при посредстве пастырского служения все, как члены одной семьи, составляли единое избранное Христово стадо. Что же это такое значит? Где причины такого неотрадного явления?

Что касается нерасположения к духовенству в так называемом великосветском обществе, то это довольно подробно объяснено в «Христианском чтении» (смотри февраль 1862 года). Там историческим путём показано, отчего происходит такое нерасположение и даже пренебрежение светских к духовенству. В удельно-вечевой Руси, когда духовенство было грамотнее всех сословий, когда обучение народа сосредоточивалось в руках его и оно было сословием свободным и обеспеченным, оно пользовалось самым большим, самым завидным уважением и доверием всех сословий; оно имело даже значение политическое, — и не раз враждующие князья подавали друг другу руку примирения, внимая голосу своих пастырей, которых они почитали от всей души. Патриархом Никоном закончилось цветущее состояние духовенства. Реформа Петра I-го образовала в России класс людей образованных по-чужестранному, на немецкий и французский лад, в полном отчуждении от влияния церкви и духовенства. Эти люди, вместе с западным образованием, внесли в среду русского общества и холодность к вере и духовенству. Не видя в нём наружного лоску, свободных приёмов, умения говорить по-французски, люди образованные стали смотреть на духовенство совершенно другими глазами, так что, на их языке, слова — *поп*, *попадья* сделались однозначными с выражениями — человек необразованный, грубый. Такие и подобные этим мысли высказываются в наших духовных журналах. Всё это так, верно. Но вот что: в нынешнее, например, время немногие из светских людей воспитываются совершенно по-иностранному; большая часть и помещиков хотят быть действительно русскими. Не редкость, что светские люди даже открыто выражают сочувствие светлым сторонам в жизни духовенства и, заявляя об этом печатно, с участием смотрят на его нужды и с готовностью спешат подавать ему руку помощи (например, помню, редакцией «Московских ведомостей» собрано было в помощь одному погоревшему священнику 600 р. серебром; потом собирались тою же редакцией деньги в пользу другого погоревшего священника села Ольх (№ 271)).

Стало быть, пренебрежение светских к духовенству не есть в них какой-нибудь недуг неисцелимый, не есть какое-нибудь зло, которого уже никак и ничем нельзя уничтожить. Если нас не любят светские высших классов, как люди во многом воспитанные по-иностранному, то почему же нас не уважают многие и из простого русского православного народа? Высшее сословие, положим, не любит нас за то, что мы не умеем, например, объясняться по-французски, неловки в обхождении, не умеем хорошо сидеть за барским столом и управляться с их сервизом. А простой-то народ почему иногда не отдаёт нам полного уважения? Ведь каждый крестьянин чувствует, конечно, что священник и умнее и благовоспитаннее его. Стало быть, есть, в нас самих, или вообще в нашем положении, причины, роняющие нас в глазах тех, к кому мы должны иметь отношение.

И вот что, как мне кажется, унижает духовенство: это 1) его бедность и способ собирания доходов для своего содержания. — Бедность духовенства описана подробно во многих и духовных и светских журналах. Всем и каждому известно, что большая часть духовенства перебивается с копейки на копейку и едва может свести концы с концами в своей скромной обыденной жизни, — что не у многих сельских священников можно найти даже работника или работницу, для услуг домашних и тому подобного. Да; наш простой народ не любит отвлечённостей, не любит доходить до сознательных теорий; — идеализацию он оставляет в стороне, а смотрит на жизнь с реальной точки зрения, ценит более всего то, что бросается в глаза, что

¹Здесь изображается положение духовенства в провинциях; но много есть параллельного с этими явлениями и в отношениях столичного духовенства. *Примечание редакции.*

само заставляет себя чувствовать. Видит он священника в облачении за Богослужением, — он стоит перед ним, как перед начальником, и показывает ему полное уважение и покорность. Видит он священника в лисьей рясе, в бобровой шапке, — и опять не посмеет ничем оскорбить его, отвесит, по безотчётному чувству, низкий поклон. Но увидит священника же за сохой и бороной, в овине, в худенькой одежонке, или просто в рубахе, босяком, — и в минуту теряет к нему всякое уважение, обращается к нему с приёмами грубого невежества и не считает нужным в чём-нибудь церемониться с ним. Священник для него в этом случае вещь, ничего не значащая... Он забрал себе в голову, что кто трудится так же, как и он, тот от начальства поставлен, значит, не очень высоко, потому что господа-де благородные не работают в поле, не пашут сами землю. А что сказать о самых способах, которыми приобретается наше скудное содержание? О, это окончательно унижает духовенство! Не краснеешь ли ты, собирая бедные лепты по приходу? Ни одной требы, ни одного священнодействия в приходе нет бескорыстного: каждый раз должно протягивать руку... Священник приходит к прихожанину творить дело Божие — и за каждый шаг требуется плата, подаяние! Так заведено уже и каждая сторона знает, то есть и причт и приход, что одним — причту, надобно совершать требы, а другим — приходу давать деньги. Будет ли причт позван на радостный случай, например, на крестины, брак, — или на печальный — к больному или умершему, — каждый раз нужно протягивать руку: одной рукой прихожанин должен утирать слёзы по умершем родственнике, а другой — разделяться... Надобно иметь много развитости, чтобы сознательно и разумно относиться к этим вещам, чтобы понимать всю неизбежность этого веками утвердившегося положения. А так как для этого требуется слишком много, то нельзя и удивляться, что нас часто называют «жадными, корыстолюбивыми, собирающими деньги и с живого и с мёртвого». И сверх того этот же способ собирания доходов поставляет нас в совершенно зависимое положение от прихода; а зависимость сама по себе есть положение страдательное, которое лишает священника всякого значения не только в глазах других, но и в собственных глазах. Как же можно ждать нам должного уважения от прихожан, когда они знают, что мы только и живы их подаяниями? И будь уверен, что, при всяком удобном случае, прихожанин не замедлит выставить священнику на вид эту зависимость от него.

с. 761

с. 762

Так вот видишь теперь, что для возвышения духовенства в понятиях народа необходимо ему определённое содержание от Правительства. «Стало быть, — будут рассуждать, — духовное сословие достойно того, когда само правительство ценит его и заботится о его обеспечении». Жалованье от правительства должно бы носить характер награды за образование и соответствовать учёным степеням. Но так как от правительства нельзя требовать вполне обеспеченного содержания, — то теперешние доходы с прихода могли бы оставаться по-прежнему, только бы собирались не чрез протягивание руки... Пусть бы сами прихожане делали между собой добровольную раскладку, доставляя причту этот сбор общим валовым доходом, например, по третям года. Во всяком случае земледелие, этот чернорабочий труд, не должно поглощать силы священника. Оно может ещё быть оставлено разве у низшего клира; но священнику оно нейдёт. Кроме того, что труд земледельческий ставит на одну доску священника с крестьянином; он отклоняет священника от прямой его пастырской обязанности. Ему некогда и подумать о ней, когда у него кипит работа в поле. Не бывает ли, и очень часто, что священник служит, например, обедню, и в то же время глядит в окно — жнут ли у него, пришли ли к нему на помощь? Его зовут в деревню совершить требу; но в это время пошёл дождь, а у него убирают хлеб с поля, или сено; и вот он едет принуждённо в деревню, наскоро кое-как совершает требу, чтобы скорее поспеть к работе. Где же ему тут объяснять значение требы для прихожан? Есть ли время поговорить с детьми духовными? Жалованье от правительства и от прихода несомненно возвысило бы духовенство в глазах народа и избавило бы от нынешнего униженного положения

с. 763

2) Мы хотим себе уважения от других; но можем ли мы считать себя, по своему положению, хотя уравниваемыми с другими? Все сословия пользуются правом выбора судей и нужных для себя лиц. Дворяне сами выбирают себе набольших, купцы тоже, мещане и крестьяне тоже. Только у белого духовенства нет этого выборного начала, — что, естественно, отодвигает белое духовенство на задний план, лишая его самостоятельного значения. Какого же уважения ждать нам от других сословий, когда мы сами себя не уважаем, когда наши собственные отношения заключены в одну оффицию. Вот мы и хлопочем не о лучших проявлениях жизни духовной, не о благородных стремлениях, — а о том только, чтобы быть в ладу с теми, от кого исходят приказания. А в каких подобострастных отношениях находимся мы к своим присутственным местам и начальственным лицам? Крестьянин-прихожанин идёт с присутствием духа в наши

с. 764

суды и к нашим судьям, — а мы, пастыри церкви, вступаем словно приговорённые к заточению. Ты думаешь, этого не замечают другие сословия. Нет, у каждого есть чутьё; смекают скоро, что мы люди, не имеющие права голоса, трепещущие своих присных и от них униженные. Помнишь стих Горация: *si vis me flere, dolendum est primum tibi ipsi*; по приложению к нам это будет значить: если хочешь, чтобы тебя уважали — уважай сперва ты меня, смотри на меня, как на себя — и другие будут уважать тебя. Без этого условия, мой друг, ничего не поделаешь с самыми гуманными идеями, с самыми оригинальными реформами. Грустно то особенно, что при настоящем устройстве нашего сословия никто не выигрывает: мы унижаемся, да и наши присутственные места и лица подвергаются разным толкам и пересудам. Выборное начало, для нашего возвышения и влияния на общество, должно быть поставлено во главе всего. Тогда пойдёт жизнь у нас светлым и естественным путём; тогда только можно надеяться на внимание к нам общества. Общество не пристаёт теперь к нам, потому что видит у нас такие особенности, которые никак не прилаживаются к его строю.

С этими чувствами и желаниями заканчиваю письмо. Извини, что оно вышло длиннее обыкновенного. Оскорбление женщины, признаюсь, глубоко тронуло меня, и мне хотелось уяснить, что довело нас до такого униженного положения. Будем молиться Богу о соединении всех сословий в един дух Христов, дух мира и любви христианской, и об уничтожении тех причин, которые препятствуют духовенству войти в это единение с другими. Без этого условия, то есть при отчуждённости от нас других сословий, посуди сам, много ли добра мы одни можем сделать, даже при всех усилиях с своей стороны? Прощай. Молись за меня.

Письмо II

Получил я твоё, возлюбленный во Христе брат, письмо, в котором ты выражаешь свои огорчения, сердечные страдания и пробуждённые ими в твоей душе думы о нашем общем положении. Неприятная история с женщиной, нанёсшей тебе незаслуженное оскорбление, как видно, возмутила тебя до глубины души. В тревоге душевной ты перебрал все сословия — и не нашёл ничего нигде отрадного: везде и всё в твоих глазах дышит холодностию, равнодушием и даже нерасположением к нам. Уж вот и это одно нехорошо, что ты, пастырь церкви, служитель Христов и преемник святых Апостолов, так возмутился одним неприятным поступком женщины, что совершенно разочаровываешься в добром расположении к тебе твоих прихожан — и не доверяешь искренности их: то есть из-за ничтожной вещи разоряешь дело важнейшее! Посмотри-ка на нашего пастыреначальника Иисуса Христа: каким-то пересудам, насмешкам, какому презрению не подвергался он во время своего служения роду человеческому! Он творил чудеса, изгонял бесов, — а Ему говорили в лицо, что Он делает всё это силою бесовскою. Он исцелял больных, слепых, расслабленных, — а про Него говорили: грешен этот человек, потому что субботы не хранит. Он приводил ко спасению мытарей и грешников, — а про Него говорили: ядца и винопийца, друг мытарем и грешником. Не было слова, поступка, за который бы Его не осудили фарисеи. А возмущался ли Он неблагодарными? Посмотри, и на кресте Он, распятый, дышит любовью к своим врагам и распинателям. Отче, отпусти им, — не ведят бо, что творят! молится Он к Отцу Небесному. Взирай на Пастыреначальника нашего Иисуса Христа! И святые Апостолы — чего-то не терпели, какому осмеянию и поруганию не предавали их. А что? Ослабевала ли от того их ревность о спасении людей? Беспокоились ли они тем, выходили ли из себя? *Укоряеми, говорил святой Апостол Павел про себя, благословляем, гоними — терпим, хулими — утешаемся.* И послушай, что он говорит далее: *не срамля вас сия пишу, но якоже чада моя возлюбленная наказую* (1 Кор. IV, 11—14). Слышишь ли: святой Апостол смотрел на обидевших его, как на возлюбленных чад. Вот этого-то духа Христова и духа Павлова, духа любви и кротости, я и не вижу в письме твоём. Ты не остановился на одном случае, бывшем с тобой. Нет, ты пошёл далее — вник в причины пренебрежения к нам и предлагаешь свои реформы столь хорошие, по твоему мнению, что вот если бы сейчас привести их в исполнение — то сейчас же мы и выросли бы в глазах других и заслужили бы всеобщее уважение. Слова нет; высказанные тобою причины пренебрежения вообще нельзя отвергать; но слишком уже много ты даёшь им силы и значения в жизни. Ты думал, что сказал *последнее слово*, — а между тем, это *слово* далеко не последнее слово. Всё это, мой друг, внешние причины, внешние реформы; могут они изменить внешнее положение наше, — но сущности дела они не преобразуют. Мы и теперь ограждены законом гораздо более, чем другие сословия. За обиду нам определено наказание гораздо строжайшее, чем за обиду лиц,

принадлежащих к другим сословиям. Но что же: помогает ли это нашему делу?? Значит, есть что-нибудь повыше, посущественнее всех внешних преобразований, чего недостаёт нам для того, чтобы пользоваться уважением от других сословий. Не стану в подробности опровергать твои соображения; но не могу не заметить, что ты иногда задаёшь такие вопросы, решение которых должно бы навести на самую, что называется, суть предмета; но в ту самую минуту, когда ждёшь с нетерпением, что вот сейчас разрешится дело, ты уклоняешься далеко в сторону, — так что и выходит, что ты часто метишь в цель, но в неё не попадаешь. Говоришь, например: «это что-нибудь да не так, когда целое сословие наше не находит полного сочувствия ни в одном сословии и не имеет должного влияния на общество, — тогда как на нас самим Богом возложена обязанность быть соединительным звеном в святой христовой церкви и приводить к единому избранному Христову стаду». И в другом месте, по вопросу, почему нас не любит простой народ, замечаешь: «стало быть, есть в нас самих причины, унижающие нас перед другими». И после таких серьёзных вопросов вдруг приходишь к мысли, что нас унизила: 1) наша бедность и способ собирания доходов для своего содержания и 2) то, что нет выборного начала в наших присутственных местах, для наших присутствующих лиц. Но так ли это? Да разве нет богатых лиц в духовенстве? Однакож пользуются ли они особенным почётом за то только, что они богаты? Что говорят про богатых, например, священников? «У нашего попа денег пропасть, наш поп богат»? Не этих ли знаков почтения добиваешься и ты? Положение очень незавидное! Внутреннего уважения тут и следа не может быть! В собирании доходов чрез протягивание рук ты видишь крайнее унижение для себя, — и полагаешь, что раскладкою доходов чрез самих же прихожан мы избавились бы от вносимых на нас нареканий в корыстолюбии. Но эта раскладка доходов, если судить о ней по простому здравому смыслу, мне кажется, неизбежно должна соединиться с большими неудобствами.¹ Она возможна только за те требы, которые могут быть в каждом семействе, например, за хождение по домам в Пасху, Рождество, со святой водой в Крещение и в храмовые праздники, пожалуй, ещё за совершение каждодневного богослужения. Но как в общую раскладку поместить плату, например, за венчание браков, крещение младенцев, погребение умерших, молебны, панихиды? Всё это требы *случайные*,² которые в некоторых семействах и быть не могут, или могут быть, да не у всех в одном количестве. Но, допустим, что как-нибудь уладится такая раскладка, — ужели думаешь, что одно это избавит нас от всех тех упрёков, которые делают нам ныне? Очень сомнительно! Прихожанин, конечно, не будет давать тебе деньги с глаза на глаз; но всё же будет знать,³ что эти требы окупаются общею раскладкой. Нет, как тебе угодно, а это не поправит⁴ нашего дела, не возвысит нас. Не в этом сила, мой друг. Как ты ни обеспечивай себя, — всё это будет только внешняя сторона дела. Ты говоришь, что в древней Руси духовенство пользовалось уважением; а ведь тоже оно собирало доход чрез протягивание рук.⁵ Значит, уважали его за что-нибудь другое, и этот способ собирания доходов не ставили ему в укор. Подаяния причту от прихожан, как бы они ни шли, Апостол Павел считает делом законным и естественным. *Не весте-ли*, говорит он, *яко делающии священная (священнодействующие) от святилища ядят? Кто воинствует своими оброки когда? или кто насаждает виноград и от плода его не яст? Или кто пасёт стадо, и от млека стада не яст?* (1 Кор. IX, 13. 7). Он называет этот способ обеспечения священнодействующих даже заповеданным от Господа, потому что говорит: *тако и Господь повеле — проповедующим благовестие от благовестия жити* (ст. 14). Вот видишь — если нынешний способ добывания доходов от прихожан сделался предметом нарекания на нас в корыстолюбии, предметом нашего унижения, — стало быть — или в нас самих есть что-нибудь более существенное, что унижает нас в глазах прихожан, или из этого способа обеспечения мы сами сделали злоупотребления. Вникнем-ка, какими свойствами должны отличаться, по Апостолу, наши доходы, чтобы они не могли унижать нас.

с. 768

с. 769

с. 770

Туне Божие благовествование возвестихом вам, пишет Апостол к коринфянам, *и в скудости быв, не стужих ни единому. Во всё без стужения вам себе соблюдах и соблюду*

¹Особенных неудобств, кажется, не может тут и быть, если само общество с надлежащей точки зрения взглянет на этот предмет, поняв всю выгоду того, что каждая, вслед за тем, треба будет исполняться безвозмездно. Общими силами всё легче делается. Редакция.

²Если *случайные*, то, значит, могут и у всякого случаться. А это во всяком случае много будет для каждого значить, что всякая треба, во всякое время, будет безвозмездна. Можно разве сделать ограничение насчёт треб произвольных?.. Редакция.

³Знать он будет; но всё же здесь облагородятся отношения. Редакция.

⁴Поправить-то поправит, хотя при этом необходимо и многое другое. Редакция.

⁵Всему своё время. Редакция.

- (2 Кор. XI, 7—9). Итак, первое условие при собирании доходов — не быть в тягость прихожанам, не докучать им.¹ На этом пробном камне оказываются не соответствующими своей цели и назначению духовенства все внешние принудительные меры к обеспечению духовенства прихожанами.² Пусть приход и согласится на разные раскладки и прибавки, пусть и уплачивать будет должное; но это будет отзываться не добровольною их жертвою, а чем-то внешне-обязательным для них. Внешние побуждения — побуждения непрочные. Выпадет случай высказаться прихожанам — они выскажутся не к радости духовенства. *Не ищю бо ваших*, говорит Апостол тем же коринфянам, *но вас* (2 Кор. XII, 14). Вот второе условие и самое важное для возвышения духовенства. Нужно искать и желать от прихожан — не жертв вещественных, не подаяний, не богатых прибытков, — а их самих, спасения их душ, приведения их к святому избранному Христову стаду.³ Нужна, мой друг, деятельность, проникнутая участием сердца, а не официальное только и внешнее исполнение треб и богослужения. Нужно иметь нам, служителям Христовым и совершителям великих и страшных Христовых таинств, глубокое сознание, что мы Божии приставники, поставленные творить дело великого Бога, Творца и Судии вселенной, и совершать порученное нам от Господа дело, во славу Божию, в простоте и смирении, в чувстве сознания своего недостойнства. Нужно нам внимательно следить и наблюдать, принимают ли наши прихожане преподаваемые им благодатные средства к освящению их душ с должны расположением и с надлежащим пониманием их глубокого значения, как дар благодати Иисуса Христа и святого Духа утешителя, — дар, который благоговейно должно хранить, поддерживая в душе благочестивые мысли и чувства. Надобно нам заботиться, чтобы наши пасомые знали учение Христово, заключённое в священных письменах, учение, столь необходимое для их вечной жизни, — чтобы они хорошо понимали — Кому они кланяются, — чтобы душа их, принимая благодатные таинства, входила в истинный союз и единение со Христом. Вот если бы мы *все* и *всю* жизнь заботились о такой жизни — тогда прихожане увидели бы, что мы хлопочем не о внешних земных интересах, а о духовных, — не о временных прибытках, а о небесном сокровище. Тогда и на нас не стали бы смотреть как только на исполнителей внешних треб и богослужения, а как на людей действительно нужных для их спасения вечного, стали бы смотреть как на Божиих посланников, поставленных для их руководства ко спасению. В таком случае прихожане сами охотно доставляли бы духовенству средства к жизни (и, конечно, не скудные); но доходы эти уже имели бы другое значение и уже, несомненно, тогда никому не пришла бы и мысль заподозривать нас в какой-нибудь жадности или корыстолюбии. Апостол Павел радовался о филиппийцах, что они заботились о нём и доставляли ему средства содержания. *Возрадовахся о Господе вельми, яко уже когда воспомянусте пещися о мне* (IV, 10). Но вникни-ка, в чём состояла эта радость у апостола. О, это не та радость земная, которая живёт в сердцах, преданных миру, — радость не о том, что только удовлетворялись его нужды, потому что апостол говорил: *не яко по скудости глаголю, аз бо навыкох, в нихъже есмь, доволен быти* (2 Кор. IV, II). Это была радость духовная, высокая. *Не яко ищю даяния*, говорит он филиппийцам, *но ищю плода множащагося в слово ваше* (пользу вашу). Он видел в заботах филиппийцев о его содержании не одно расположение их помочь ему в нужде, — но видел в этом выражение истинно-христианского настроения их души, видел благодатный плод преподанного им учения Христова, — видел, что они дорожат им как нужным для спасения их человеком, как посланником Божиим, — видел, наконец, в том добрый знак внимания их к его проповеди и заботу их о своей богоугодной жизни. Он принял посланное от них, как *воню благоухания, как жертву приятную, благоугодную Богу* (Фил. IV, 18), — как благовонное курение, как сладостный избыток полноты их любви к нему и богатства их добродетелей, потому что в подаяниях их была видна не простая помощь ему, как человеку бедному, — что очень обыкновенно у людей, — но подаяние за слово благовествования, за то, что они в апостоле видели посланника Божия, в его словах — глас Божий.

¹ Это-то прямо и достиглось бы при определённом обеспечении духовенства обществом. Редакция.

² Если бы общество само нашло это положение выгоднейшим, то что же тут могло бы быть принудительного? Редакция.

³ Нет спора, что в пастырском служении самое главное — самоотверженное выполнение священных обязанностей этого служения. Личности нравственно высокие, конечно, и ставят это высшею целью всех своих стремлений. Но дело в том, чтобы успешнее подвигнуть к тому же и обыкновенные личности, которые скорее всего падают под бременем нужд. Для последних-то, — а они составляют везде большинство, — и нужна сторонняя поддержка; тогда и немощные духом ободряются. Редакция.

Нельзя не желать и обеспечения нашего: мы люди не одинокие, а семейные; пожелать этого надобно не для того только, чтобы пожить лучше, не терпеть нужды и недостатков, — но для того, чтобы поставить себя в меньшую зависимость от гнетущих нас житейских нужд, от подавляющих забот о внешнем телесном существовании, — чтобы обеспечение наше давало простор нашей нравственной пастырской деятельности, чтобы из-за материальных нужд не разорялось дело Божие, не оставалось без должного к нему внимания и не ослаблялось. Под этот взгляд подходит и другое условие, от которого, по-твоему, зависит предлагаемая тобою мера для возвышения духовенства, разумею — выборное начало. Впрочем, если бы ты указал не два только средства для возвышения уважения к духовенству, а двадцать, — все они будут хороши только тогда, если будут направлены к духовной пользе прихожан и проникнуты одним животворным началом — исканием царства Божия, — стремлением к тому, чтобы приводить всех ко Христу. Выборное начало хорошо будет тогда, когда введено будет в духовную администрацию, не во избежание только своеволия и прижимок со стороны наших властей, — а во имя опять свободы Христовой, чтобы избранные нами самими члены нашего сословия, стоя во главе, способнее и скорее других могли содействовать нашему святому делу — нашей истинной пастырской деятельности.

с. 774

Заключу моё письмо словами Господа, которыми Он троекратно вопрошал апостола Петра: *Симоне Ионин, любиши-ли Мя?* Этот вопрос должен предлагать себе каждый желающий быть пастырем церкви, — и не прежде должен брать на себя эту священную обязанность, как когда сердце и совесть скажут: *«ей, Господи, Ты веси, яко люблю Тя»* (Иоан. XXI, 16). Этот же вопрос надобно постоянно предлагать себе и нам с тобою, возлюбленный о Господе брат, так как мы уже взялись за дело Христово, — и неопустительно нужно смотреть — действительно ли всецелая любовь к Господу и ревность о спасении своих овец управляет нашими действиями в нашем нелёгком пастырском служении. Без этого же, не обращая то есть внимания, так ли ведём мы дело Божие, — скажу твоими же словами, — ничего не поделаешь с самыми гуманными идеями, с самыми глубокими реформами, — и напрасно будешь хлопотать о поддержании в обществе уважения к духовному сословию. Прощай. Молись за меня.

Священник Александр Свирелин